

Живет в г. Рамат Ган (Израиль)

Пейзажное

Невзрачной прошлогоднего костра,
Закат осел над крышами и кронами,
Чуть пахнувший отрыжкой ацетоновой
Соседа, отставного маляра.

День спекся каплей крови на ноже.
Дождь, обмочившись, умотал на сторону.
В окне напротив внука делят поровну
Две толстые матроны неглиже.

Сосед с утра бортует колесо -
Весь двор уже икает на две четверти.
А наверху друг друга любят четверо,
Не наблюдая внаглую часов.

Их вздохами измученный подъезд

На взводе, словно выпил тонну кофия,
А я лежу и брежу философией,
Что всякий люпус больше, чем он ест.

Матрац роняет хлопьями ватин,
Под ванной моль дожевывает валенки,
У потолка моей унылой спальни
Порхает вяло комариный клин.

Под штукатуркой жизнь берет свое:
Пробился мох, пустило корни деревце;
А под хребтом соложкой время стелется -
Так быль преобразуется в быльё.

Очень романтическая история со счастливым концом

Под утро, только робкая Венера
Украшила собою небосвод,
На подвиг в честь прелестницы, в поход,
Отправился отважный кабальеро.

Вели его вперед любовь и вера
В свою звезду. А на двадцатый год,
Увенчанного славой, у ворот
Встречала дона тощая мегера:

Ребристый стан под скобками ключиц;
Вокруг ряды сочувствующих лиц,
Притихли зверь в лесах и в небе птица...

Наш рыцарь сдвинул шлем на хмурый лоб,
Тяжелой крагой лысину поскреб,
И выдохнул: "Жениться так жениться"

Быть

Сквозь души и тела проложен путь.
Ланцет. Надрез. Игла. Бинты и вата.
И вечное, как клятва Гиппократы,
Желание забыться, отдохнуть,

Немного тишины, глаза закрыть,
И вычеркнуть себя из всяких списков,
Плыть к свету, исчезая по-английски
Из самых разных обязательств "БЫТЬ".

Двенадцать. Бутерброд. За суетой
Повыцвели изрядно идеалы.
Лишь память скрипнет, и шепнет устало:
Кто алчет света, обретет покой.

Покой. Приемный. Суета и плач.
У лифта санитар с боксерской мордой.
Больные по палатам и по сорту,
И утки - знак сезона неудач.

Изъезжена бессчетно вертикаль
От шахты лифта и до дверцы рая.
И шкаф с морфином вечно запирают:
Итог любой мечты закован в сталь

Зима - успокоенье для ума.
В окне январь. И снег. Пейзаж могильный.
Что ж, Йорик, значит БЫТЬ... Звонит мобильный
И снова мир: Москва... трамвай... дома

И телефон (будь проклят): "Да, сейчас..."
Меняется погода, ломит ноги,
Диагноз распадается на слоги,
Сквозь линзы слез из покрасневших глаз

И "до" и "после" связывают в нить
Надрезы, швы, больничный суп без соли...
Усталость все ж немного меньше боли,
Которую удастся исцелить

Страницы автора в Сети:

[Стихи.Ру](#)
[Проза.Ру](#)
[Самлиб.Ру](#)